

С начала большевитской революции советская власть в России объявила борьбу против всякого рода религиозных убеждений по принципу: религия - опиум для народа, и, вообще, с идеалистическим мировоззрением.

Главный удар был направлен против Православия. Хотя декрет и гласил о свободе отправления "религиозного культа", власть преследовала церковников самым жестоким образом, прикрывая свое гонение на церковь и верующих борьбой с контр-революцией и их политическим противодействием. Конечно, никто не сомневался в простой истине, что каждый член церкви, тем более ее служитель, преследовался прежде всего за свою веру, свою принадлежность к Православию.

Уже к 1923 году создалось такое положение, что глава Русской Православной церкви, Святейший Патриарх Тихон вынужден был признать себя, да и церковь в целом, виновным пред большевиками в "антисоветской" деятельности. Опубликовав свое покаянное обращение через печать, Патриарх рассказывался в прежней позиции церкви и по возвращении из под ареста /домашнего/ обещал изменить политический курс, отказываясь не только от активного, но и пассивного вмешательства в жизнь советского государства.

Какими обстоятельствами был вызван шаг Главы Православной, многомиллионной церкви?

Большевики морем крови русских людей и жестоким насилием, захватив власть, прежде всего встретили осуждение церкви. Только ее голос осмелился открыто заявить им правду в лицо. Правящие круги, интеллигенция или честно погибли в борьбе с захватчиками, или же вынуждены были скрываться за границу. Голос церкви остался одиноким, ибо его уже физически не могли поддержать истерзанные террором русские люди. Оставалась надежда на помощь европейских государств, жившая еще первые 5-10 лет, но и та с каждым годом уходила все дальше и дальше, становясь для русского народа лишь далекой и может быть неосуществимой мечтой. Таким образом, с одной стороны осталась кучка жестоких насильников - безбожников, не считавшаяся ни с какими мерами террора, с другой - 130.000.000. миллионный верующий русский люд. А жизнь шла своим чередом, предъявляя свои требования и каждая сто-

рона понимала необходимость каких-то юридических форм, осуществляющих положение церкви. Особенно усилилось это положение после признания советского союза европейскими государствами. Большевики вынуждены были показать свое "свободное" отношение к церковной жизни. Если в 1923 г. Патриарх Тихон нашел необходимым принести жертву личного унижения ради пользы Церкви, то к моменту вступления в управление церковью митрополита Нижегородского Сергия, как одного из Заместителей Патриарха, со всей ясностью **встала необходимость стабилизации Церковного Управления.**

Нужно не забывать, что большевики по причинам, изложенным выше, уже предприняли своеобразные шаги "церковного оформления". Они через агентов Чеки нашли группу архиереев и священников, которые объявили о низложении Патриарха, себя называли "Живой церковью", "Обновленчеством" и готовы были уже захватить церковную власть всецело в свои руки. Они же авансировали большевиков политической верностью и стали на путь открытого сотрудничества с органами Чеки. Но" восставший " против церковной истины и потерпел крупное поражение - народ за ними на пошел, всем стало известным о гнусных замыслах большевиков и последние вынуждены были изменить свою тактику. Они к тому же поняли, что гонение на верующих и церковь повторяет славную историческую страницу христиан-мучеников и только укрепляет православное сознание русских людей.

Вступивший в Управление Митрополит Сергий, человек высокой культуры, большого дипломатического ума, доктор исторических наук и церковного права, учитя настроение епископата, духовенства и верующих, осуществил начинание Патриарха Тихона о легализации Центрального Патриаршего Управления Русской Церкви. В своей декларации, основанной на истинно-религиозных задачах церкви, митрополит заявил об отказе использования своих религиозных убеждений в политических целях и о полной лояльности церкви к советскому строю. Нужно откровенно сказать, что советское правительство было заинтересовано в известном успокоении среди иммигрантских кругов и потребовало обращения к этим кругам, подчиненным юрисдикции Московской Патриархии. Митрополит - Заместитель Патриарха - согласился на это, ибо не только

эти выступления не имели практического значения, но крайне болезненно отзывались на церкви в России, - каждое антисоветское выступление за рубежом уносило массу жертв среди епископата, рядового духовства и даже из рядов верующих интеллигентов.

Короче говоря, усилиями Главы церкви было достигнуто внешнее соглашение, некоторое легальное положение церковного центра, оставаясь, безусловно, внутренне врагами. Это отчетливо представляли себе обе стороны, а Митрополит Сергий и его сотрудники не льстили себя надеждой перемен жестокости большевиков на какую то их милость.

ЧТО ОТ ЭТОГО ПОЛУЧИЛИ БОЛЬШЕВИКИ ?

1. Согласившись на существование церковного центра, они имели возможность контроля над действиями церковной власти.
2. Для общественного мнения западных государств -"ширму" свободного существования церкви в советских условиях.

ЧТО ПОЛУЧИЛА ЦЕРКОВЬ ?

1. Возможность единого руководства, принимая во внимание наличие церковных расколов, настроения и крайнего упадка церковной дисциплины.

Измученный верующий народ знал цену этой жертвы, но понимал, что для сохранения церковного порядка и жизни эта жертва была необходимостью.

Тем самым была достигнута основная мысль: объединить церковные массы около истинного источника православия.

Этот шаг Главы Церкви Российской вызвал ложное убеждение среди представителей западных и зарубежных верующих кругов, что ценой предательства церковной свободы, куплено благополучие личного характера.

Этот ложный взгляд опровергнут самой жизнью. Все церковные деятели сознавали необходимость единения с митрополитом Сергием, все они искренно поддержали его начинания, но участь их не избежала жестокой карающей руки Чеки.

Создалось убеждение и такое, что Московская Патриархия не свободна в своих церковных делах. Большевики в силу внешнеполитического положения и оберегая сознания "свободного" вероисповедания своих советских граждан никогда не решались грубо вмешиваться в решения внутреннего устройства

церковной жизни. Да и нужно было бы им прибегать к посредству Московской Патриархии? Они, если им неугодно было оживление церковной жизни в том или ином месте, если нужно было парализовать какое либо начинание Патриархии, то прибегали к излюбленному методу административного насилия, - высыпали епископов, духовенство, закрывали храмы и т.п. Следует отметить, в решениях патриархии по заграничным вопросам они проявляли большой интерес и тогда только в личных беседах с Патриаршим Местоблюстителем высказывали свои пожелания. Беседы проходили с глазу на глаз и нам они никому не были известны. Знали мы и о заинтересованности большевиков поставить нас - главным образом епископов - под контроль. Тогда они "рекомендовали" из светских людей кого либо в качестве секретаря, прислуги, келейника. Мы обычно легко воспринимали такое явление "заботы" и считали за лучшее иметь около себя заведомого агента, вместо тайного, которому вдруг бы удалось войти в доверие.

Свой ОСНОВНОЙ контроль над жизнью церкви большевики осуществляли через так называемую "Комиссию по вопросам культов". Центральная комиссия создавалась при Президиуме ВЦИК-Верховного Совета, далее же исходила по сети соответственных исполкомов на местах. Состав центральной комиссии, как и местных оставался секретным, но несомненно руководился ГПУ-НКВД. Комиссия выделяла так называемого "инструктора по вопросам культов", т.е. известного докладчика, который детально входил в жизнь каждой общине.

Помимо церковного центрального органа /Патриархии/ он требовал от каждой единицы нужных сведений. Непосредственно ему подавались списки верующих, анкеты на лиц подпиавших договор на пользование храом и имуществом, на состав причта и т.д. С отдельными лицами общину инструктор входил в связь и проверял через них не только жизнь общину, но и действия центральной церковной власти, очень часто усматривая ~~желанных~~ распоряжениях нежелательные стороны. Патриархия представляла сведения на состав ее членов, сотрудников и состояние епархий в комиссию при московском совете.

Из изложенного следует, что сама Патриархия, как церковное центральное учреждение, существовало, по мысли большевиков, с рекламной целью для доверчи-

вых иностранцев. Патриарший Местоблюститель, мы - епископы и его ближайшие помощники мирились с этим унижением и позором ради относительного сохранения сил церкви для народа русского и в надежде на будущее избавление от безбожного ига. Повторяю, что само положение Московской Патриархии ничуть не ограждало ее членов от большевитских репрессий. Многие ее члены пострадали, другим надлежало пострадать, но по Воле Божественной еще не приходил час этих страданий. Лично Митрополит Сергий сравнивал наше положение с курами в садке ~~их~~ повара. Приходит день и из садка выхватывается следующая жертва. Обречены были все, но не всех сразу вел на плаху жестокий повар.

Прилагаемый мой служебной список свидетельствует, что я себя сохранил все это время в церковной ограде, не выходя из нее ради куска хлеба или личных выгод. Будучи ближайшим епископом к Патриаршему Местоблюстителю, сознательно поддерживал в его подвиге служения Русской Православной Церкви, был убежден и остаюсь убежденным в правильности его позиции внешнего положения церкви в ужасных условиях советского и безбожного террора.

Что касается моего управления Экзархатом в Прибалтике, о нем есть в местных органах свидетельство латвийского духовенства. За свое трехмесячное пребывание в Риге при советском строе я не имел никаких сношений с гражданскими властями, ибо и само законоположение о церковных общинах здесь не было введено большевиками.

г. Рига.-